
ЧЕРЕЗ ПОЛВЕКА

Это произведение потрясло современников. Рассказ внезапно выявил совершенно новое, дотоле невиданное измерение бытия. Как будто окружающий мир раздвинулся, и стало возможно увидеть судьбу России в XX веке совсем иначе и намного глубже, чем раньше. Стройность и кажущаяся непротиворечивость советской тоталитарной мифологии оказались опровергнуты самым, казалось бы, элементарным образом — обращением к тому, чего, согласно этому мифу, не только не было, но и *в принципе быть не могло*... И совсем рядом, в опасной близости с уже почти построенным коммунистическим «раем», вдруг открылся рукотворный лагерный ад, вполне реальный и пугающе «обыкновенный». Он давно уже существовал, ещё с 1918 года, но всегда был окружён глухим молчанием, — и вот теперь, с появлением солженицынского рассказа, реальность этого ада стало невозможно отрицать. Разумеется, уже прогремели хрущёвские разоблачения «культы личности» Сталина на XX съезде КПСС, да и без того многие знали или слышали о концлагерях в СССР, но магия тоталитарного мифа продолжала действовать, и в «заколдованное сознание» советского человека эта пугающая действительность по-прежнему не вмещалась.

И вдруг в ноябре 1962-го, когда вышел в свет 11-й номер журнала «Новый мир» с «Одним днём Ивана Денисовича», целостность советского мифа оказалась разрушена. Нет, он не рухнул, однако его «истинность» в одночасье была поставлена под сомнение...

Рассказ был задуман в 1950–1951 годах, когда Солженицын, в то время политзаключённый, работал в Экибастузском Особом лагере каменщиком, написан же после освобождения, в 1959-м, в Рязани, меньше чем за полтора месяца, с 18 мая по 30 июня. Публикация и самому автору тогда казалась чем-то заведомо невозможным, однако после сокрушительной критики Сталина в речи Хрущёва на XXII съезде КПСС (1961) решение было принято, и в том же году Солженицын через друзей передал в редакцию самого свободомыслящего по тем временам журнала «Новый мир» машинопись «Щ-854 (Один день одного зэка)». Рассказ. «Лагерь глазами мужика, очень народная вещь»¹ — с этими словами Анна Самойловна Берзер, редактор отдела прозы «Нового мира», вручила рукопись никому не известного автора главному редактору журнала Александру Трифоновичу Твардовскому.

---

¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом: Очерки литературной жизни. М.: Со­гласие, 1996. С. 25.

Слова эти выявили то главное, что сблизило (по крайней мере, на время) таких разных людей, как Солженицын, Твардовский и Хрущёв, по личному распоряжению которого «крамольное» произведение и было опубликовано (правда, для этого понадобилось ещё и специальное решение Политбюро ЦК КПСС). Позже писатель охарактеризует эту ситуацию так: «Не скажу, что такой точный план, но верная догадка-предчувствие у меня в том и была: к этому мужику Ивану Денисовичу не могут остаться равнодушны верхний мужик Александр Твардовский и верховой мужик Никита Хрущёв. Так и сбылось: даже не поэзия и даже не политика решили судьбу моего рассказа, а вот эта его доконная мужицкая суть, столько у нас осмеянная, потоптанная и охаянная с Великого Перелома, да и поранее»¹.

Так удивительно точно сошлось. Потому и случилось, казалось бы, невозможное.

Готовя «Щ-854» к публикации, Твардовский предложил изменить название на «Один день Ивана Денисовича» и, вопреки автору, определил жанр этого произведения как повесть. В 1973 году Солженицын, готовя заграничное издание, восстановил исходную авторскую редакцию текста и своё жанровое определение (рассказ), однако новое название счёл удачным.

Первоначально многие восприняли «Один день...» как критику «культы личности», причём критику «с партийных позиций». Именно так понимал солженицынский рассказ Хрущёв, так же *старались понимать* и в редакции «Нового мира». Это было вполне в русле их тогдашней журнальной тактики (ведь нелегко пытаться быть свободомыслящим в тоталитарном государстве!). Даже в талантливой статье В.Я. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги»² это произведение интерпретировалось в рамках чуждой Солженицыну идеологии «социализма с человеческим лицом», а религиозные мотивы осмысливались сугубо атеистически. Вместе с тем критик достаточно точно и убедительно проанализировал психологию персонажей «Одного дня...», подчёркивая, что автор не идеализирует «даже тех лиц, которых он любит...»³. И всё же оставалось в этом рассказе что-то непонятное, не дающее покоя. Он не укладывался в систему тогдашних представлений о целях и задачах художественной литературы (ведь «настоящее» советское литературное произведение должно «поучать», оно призвано демонстрировать некие идеализированные образцы жизненных ситуаций и «образцово-показательных» героев, с которых обычные граждане могут брать пример). Более того, шокирующе непривычным был и сам выбор главного героя. Многие недоумевали: почему вдруг мужик? Почему не партийный работник, невинно пострадавший в годы ныне осуждённого партией «культы личности» и демонстрирующий окружающим свою коммунистическую идейность? Подобного рода концеп-

¹ Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. С. 25.

² См.: Новый мир. 1964. № 1; см. также с. 176–216 наст. изд.

³ См. с. 200 наст. изд.

ции в те времена ещё не казались пародийными. Но, впрочем, в рассказе есть и кавторанг Буйновский, бросающий в лицо охранникам обвинения в советском духе: «— Вы п р а в а не имеете людей на морозе раздевать! Вы д е в я т ю статью уголовного кодекса не знаете!..»

Имеют. Знают. Это ты, брат, ещё не знаешь»¹, — думает Иван Денисович. Наивные представления Буйновского о принципах устройства жизни в СССР разбиваются о бесчеловечную реальность лагерного бытия. «Вы не советские люди!»² — громогласно обличает охранников кавторанг, однако обличения эти неадекватны, потому что лагерные охранники как раз *вполне советские люди*, и лишь Буйновский пока не понял, что он сам для «гуманной» советской власти всего лишь «винтик», лишь орудие для построения тоталитарного социума, не более, поэтому «как к человеку» никто из лагерного начальства к нему относиться заведомо не собирается. Иначе говоря, то, что вполне ясно простому мужику Шухову, для «образованного» кавторанга пока непонятно.

Но были и другие читатели, недоумевавшие, почему главным героем «Одного дня...» не стал интеллигент. О судьбах репрессированных крестьян в годы сталинского террора в те времена ещё не принято было задумываться. Однако в душе автора жила и рвалась наружу острейшая внутренняя потребность отдать свой писательский голос тем, кто сам о своей беде громко и внятно рассказать не мог, — это стержневая этическая мотивация всего солженицынского творчества: «<...> мужики — народ безсловесный, безписьменный, ни жалоб не написали, ни мемуаров. С ними и следователи по ночам не корпели, на них и протоколов не трагили — довольно и сельсоветского постановления. Пролился этот поток, всосался в вечную мерзлоту, и даже самые горячие умы о нём почти не вспоминают. Как если бы русскую совесть он даже и не поранил»³, — с болью и горечью скажет об этом писатель позже, в книге «Архипелаг ГУЛАГ».

В ноябре 1962-го Шаламов в письме к Солженицыну, отмечая многочисленные художественные достоинства «Одного дня...», утверждал, что изображённый в этом произведении лагерь «“лёгкий”, не совсем настоящий»⁴, потому что здесь нет тех ужасов, которые в 1930-е годы пережил в колымских лагерях он сам. Однако Солженицын, в отличие от тяготевшего к экзистенциалистски безысходной картине мира автора «Колымских рассказов», отнюдь не стремился «потрясти» читателя изображением физических мучений своих героев. Напротив, его как художника интересовала самая «обычная» жизнь советского каторжного лагеря, именно в неё он вглядывается, именно здесь видит, ощущает глубину и тайну человеческого бытия.

¹ Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2006. Т. 1. С. 32.

² Там же. С. 33.

³ Солженицын А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Время, 2010. Т. 4. С. 40.

⁴ Шаламов В.Т. Новая книга: Воспоминания. Записные книжки. Переписка. Следственные дела. М.: Эксмо, 2004; см. также с. 50 наст. изд.

Эта жизнь целенаправленно организована таким образом, чтобы подавить человеческую индивидуальность. Заметим и то, что первоначальное авторское заглавие рассказа, «Щ-854», вольно или невольно отсылает читателя к роману Замятина «Мы», где граждане единого тоталитарного государства обозначены такими же обезличивающими номерами вместо имён. Однако лагерники и здесь, несмотря на все усилия начальства, остаются людьми. Они не только не превращаются в послушных «винтиков» государственного механизма, но и оказываются способны на скрытые формы сопротивления насилию: от воды, выливаемой Иваном Денисовичем зимой на дорожку, по которой ходит начальство, до таинственных убийств лагерных стукачей. Но важнее всего для главного героя рассказа «просто» выжить в лагере, «всего лишь» сохранив и здесь чувство собственного достоинства. Например, он не может есть в шапке, а плавающие в баланде рыбы глаза, несмотря на голод, оставляет нетронутыми (по какой-то удивительной крестьянской мифологической логике они кажутся ему живыми). Шухов воплощает многие лучшие черты простого русского крестьянина: совесть, доброту, мягкость, покладистость, терпеливость, способность понять беду другого и прийти на помощь. Тем не менее Иван Денисович отнюдь не «идеальный» праведник: он по-своему расчётлив, не чужд простодушного крестьянского лукавства, а в некоторых случаях проявляет жёсткость и недоверчивость. Однако этот его «заземлённый» взгляд на окружающее оказывается этически чище и интеллектуально трезвее наивно-эгоистического эстетства советского интеллигента Цезаря Марковича.

В рассказе затрагивается множество тем и проблем: лагерные порядки, вера в Бога, история России, судьбы конкретных лагерников, проблема выживания в нечеловеческих условиях (воспоминание об Усть-Ижменском лагере), национальные взаимоотношения, «чистое» искусство, тирания, «культурный барьер» между крестьянством и интеллигенцией (по Солженицыну, это два важнейших слоя общества) и многое-многое другое. Причём почти каждая из этих проблем раскрывается не в каком-то одном месте рассказа, она «рассеяна» по небольшим фрагментам текста, и лишь встречная активность читателя, во многом зависящая от круга его интересов, позволяет этим вопросам «открыться», стать явными и лично значимыми. Фактически «Один день Ивана Денисовича» — подлинная энциклопедия жизни советского каторжного лагеря начала 1950-х годов, спрессованная в сотню страниц книжного формата.

Прототип главного героя рассказа, Ивана Денисовича Шухова, — солдат Шухов, вместе с которым Солженицыну довелось воевать и который никогда не был в заключении, но образ этого солдата настолько завладел художественным воображением писателя, что он сохранил даже его фамилию: любая другая «мешала», казалась неестественной... У всех остальных персонажей есть конкретные лагерные прототипы, причём в рассказе сохранены

их подлинные биографии. Документальная конкретность в изображении людей и событий никогда не мешала Солженицыну: этот «тайнозритель социального и исторического»¹, как, развивая мысль А.Ф. Лосева, назвала писателя О.А. Седакова, всегда умел в самых, казалось бы, обычных деталях и подробностях увидеть целую художественную вселенную, связанную с первоосновами человеческого бытия.

Материалы сборника охватывают период с 1961-го, когда речь шла о судьбе пока ещё не изданной машинописи «Щ-854», до 2009 года. Это архивные документы, литературно-критические и научные статьи, дневниковые записи, письма и воспоминания людей, так или иначе соприкоснувшихся с произведением, которое Чуковский назвал *литературным чудом*². Немало места в книге уделено первым отзывам на публикацию «Одного дня...». Яростная литературная полемика тех лет производит обжигающе сильное впечатление и сегодня. Наряду с этим в сборник включено немало ценных аналитических материалов как российских, так и зарубежных исследователей творчества Солженицына, причём подавляющее большинство этих материалов не знакомы или мало знакомы современному читателю.

Особого внимания заслуживает статья известного литературоведа-зарубежника С.Д. Артамонова³ «О повести Солженицына»⁴, опубликованная в 1963 году, когда первоначальные положительные отзывы о солженицынском рассказе, часто мотивированные искренним восхищением, но нередко и политической конъюнктурой, желанием соответствовать «новому курсу партии», сменяются откровенной травлей, так что лишь немногие смельчаки решаются выступить в защиту этого произведения, стремительно вытесняемого из советской официальной культуры. Тема лагерей якобы «исчерпана» и должна быть как можно скорее закрыта... И именно в это время Артамонов не просто пишет об «Одном дне Ивана Денисовича» положительно, но и берётся его анализировать, воспринимая как подлинно классический литературный текст. Интересны замечания об «отсутствии» сюжета (вернее, об отказе писателя от сюжета в его традиционном понимании —

---

¹ См.: Седакова О.А. Маленький шедевр: «Случай на станции Кочетовка» // Между двумя юбилеями (1998–2003): Писатели, критики и литературоведы о творчестве А.И. Солженицына: Альманах. М.: Русский путь, 2005. С. 322.

² См.: Чуковский К.И. Литературное чудо // Собр. соч.: В 15 т. Т. 10: Мастерство Некрасова; Статьи (1960–1969); см. также с. 20–21 наст. изд.

³ Сергей Дмитриевич Артамонов — литературовед, доктор филологических наук, профессор, специалист по истории французской литературы Возрождения и Просвещения. Работал в Литературном институте имени А.М. Горького, зав. кафедрой зарубежной литературы (1953–1989), автор многочисленных учебников и учебных пособий по истории западноевропейской литературы Средних веков, Возрождения, XVII и XVIII вв.

⁴ См.: Артамонов С.Д. О повести Солженицына // Писатель и жизнь. М., 1963; см. также с. 142–156 наст. изд.

завязки, кульминации, развязки и т.п.). Привлекает внимание и мысль о том, что «нет умнее человека»¹, чем Иван Денисович, это парадоксально, спорно и интересно. Очень точно говорится в статье и о вере Солженицына «в человека цельного, “неразвоенного”, “неразлаженного”»². И хотя объяснение дано в псевдосоветском духе: Солженицын якобы считает, что человек является наивысшей ценностью, но очень хорошо заметно, что автор статьи скрыто иронизирует над этой антропоцентрической концепцией, ставящей человека выше всего существующего (т.е. и выше Бога). Артамонов приводит цитату из шекспировского «Гамлета»: «Какое чудо природы человек! Как благородно рассуждает! С какими безграничными способностями! Как точен и поразителен по складу и движеньям! В поступках как близок к ангелу! В воззрениях как близок к Богу! Краса вселенной! Венец всего живущего!»³ «Куда же, кажется, скромнейшему Ивану Денисовичу до полёта таких идей»⁴, — иронично замечает автор. И здесь «как бы случайно» опущено продолжение монолога Гамлета, хорошо известное не только Артамонову, но и его читателям, не оставляющее камня на камне от псевдоантропоцентрической риторики шекспировского персонажа: «А что мне эта квинтэссенция праха?»⁵ — говорит Гамлет, очевидно вовсе не считающий человека «венцом всего живущего». Знаменательно и то, что автор статьи не только выступает в защиту уже полуопального Солженицына, но и цитирует Шекспира в переводе всё ещё опального в то время Пастернака: даже и после смерти имя автора «антисоветского» романа «Доктор Живаго» оставалось под строгим запретом. Артамонов ссылается на шекспировский двухтомник, вынужденно не приводя полное название этой книги: «Вильям Шекспир в переводе Б. Пастернака» (в настоящем издании оно восстановлено), однако гражданская позиция автора статьи и без того была выражена вполне определённо.

Не менее значима и знаменитая статья «О языке и стиле повести А.И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”»⁶, написанная замечательным лингвистом Т.Г. Винокур⁷ и опубликованная в 1965 году, когда по-

¹ См. с. 145 наст. изд.

² См. с. 156 наст. изд.

³ Вильям Шекспир в переводе Б. Пастернака: В 2 т. М.; Л.: Искусство, 1949. Т. 1. С. 490–491.

⁴ См. с. 153 наст. изд.

⁵ Вильям Шекспир в переводе Б. Пастернака. Т. 1. С. 491.

⁶ Винокур Т.Г. О языке и стиле повести А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» // Вопросы культуры речи / Ин-т русского языка АН СССР. М., 1965. Вып. 6; см. также с. 294–308 наст. изд.

⁷ Татьяна Григорьевна Винокур — лингвист, доктор филологических наук, работала в Институте русского языка АН СССР, специалист в области стилистики художественной речи, лингвостилистики, современной разговорной речи и истории языка, автор нескольких научных монографий, посвящённых истории языка, лингвостилистике и теории речевой коммуникации.

ложительные отзывы об этом произведении уже, казалось бы, полностью исчезли из советской печати (для её обнародования в то время требовалось немалое мужество). Статья Винокур, в которой на высоком филологическом уровне анализируется язык рассказа и показано виртуозное мастерство Солженицына-рассказчика, по праву считается классической, однако её книжного переиздания до сих пор не было¹.

В нынешнем сборнике соседствуют отклики простых читателей и всемирно известных деятелей литературы и культуры — всех, для кого оказались небезразличны боль и тяготы простого русского мужика. А рядом — яростное, ненавистническое письмо А.Ф. Захаровой², бывшей лагерной охранницы, негодующей на то, что крамольное произведение Солженицына вообще разрешили печатать...

Отклики из русского зарубежья полны сочувствия и понимания. Там никогда не переставали надеяться на появление в СССР правдивого и вольного русского слова и наконец дождались. Особенно интересна статья Романа Гуля «А. Солженицын и соцреализм: “Один день Ивана Денисовича”», в которой выявлены «несоветские» истоки художественной манеры писателя и показано, что автору «Одного дня...» близок синтез модернизма и реализма в духе «школы Ремизова».

В работах зарубежных славистов: Майкла Николсона, Ричарда Темпеста, Алексея Климова, Леоны Токер и др. — проявляется глубина и нетривиальность подходов, способность в полной мере оценить сложность и красоту солженицынского художественного замысла. Особо выделяется здесь статья британского литературоведа М. Николсона «Иван Денисович: мифы происхождения». Это, быть может, лучшее на сегодняшний день исследование солженицынского рассказа. Но, впрочем, очень хороших статей об «Одном дне...» множество, и они часто антиномически дополняют друг друга.

В целом настоящее издание призвано расширить и углубить представление о том, как менялось восприятие этого произведения за полвека, прошедшие с его первой публикации. Каждая эпоха воспринимала «Один день Ивана Денисовича» по-своему, и это естественно: такова судьба всех классических литературных текстов.

Павел Спиваковский

---

¹ В 1991 г. Винокур опубликовала новую версию этой статьи: *Винокур Т.Г.* С Новым годом, шестьдесят вторым... // Вопросы литературы. 1991. № 11/12. С. 48–69. Её текст не вошёл в данный сборник, но опубликован на официальном сайте А.И. Солженицына: URL: http://solzhenitsyn.ru/o_tvorchestve/articles/works/index.php?ELEMENT_ID=1483.

² См.: *Захарова А.Ф.* Главному редактору «Известий» // Слово пробивает себе дорогу: Сб. ст. и документов об А.И. Солженицыне, 1962–1974. М.: Русский путь, 1998; см. также с. 276–285 наст. изд.